

**В диссертационный совет 02.1.002.04,
созданный на базе Федерального
государственного научно-
исследовательского учреждения
«Институт законодательства и
сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации»**

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

по диссертации Егоровой Ольги Александровны на тему: «Рассмотрение дел об автостраховании в гражданском судопроизводстве», представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Актуальность избранной диссертантом темы исследования обусловлена тем, что, по верному замечанию автора, в настоящее время в Российской Федерации страховые правоотношения характеризуются весьма значительным количеством оснований их возникновения из различного рода договоров страхования, и из всего спектра страховых правоотношений наибольшее распространение приобретают правоотношения, связанные с договором обязательного страхования автогражданской ответственности владельцев транспортных средств, договором имущественного страхования транспортного средства (с.3 диссертации).

Кроме того, в настоящий момент дела об автостраховании имеют такую важную особенность как вовлеченность в них Уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг, что является относительно новым явлением для отечественного правопорядка. Однако на протяжении всего периода действия Закона о финансовом уполномоченном в науке

гражданского процессуального права исследование вопросов о порядке разрешения автостраховых споров предпринято не было, тогда как данные вопросы нуждаются в монографическом исследовании (с.5 диссертации).

Степень научной разработанности темы можно оценить как достаточно низкую, поскольку на фоне имеющихся многочисленных трудов, посвященных материально-правовым аспектам страхования, вопросы процессуального права практически не исследовались.

Большинство выводов и суждений диссертанта должны быть поддержаны.

Выделение в автостраховом споре слабой и сильной стороны (с.18-19 диссертации) вполне объективно отражает природу таких споров. Как верно пишет диссертант, договорная диспропорция участников автострахового спора обусловлена наличием в субъектном составе профессионального лица, осуществляющего страховую деятельность в коммерческих целях на профессиональной основе. Наличие договорной диспропорции побудило законодателя к формированию государственного вектора защиты гражданских прав с ориентировкой на предоставление именно потребителю финансовых услуг как слабой стороне дополнительных механизмов (с.26 диссертации).

Механизмы возникновения, причины и динамика автостраховых споров передана автором достаточно точно (с.19-20 диссертации и последующие). Также достоверно определена автором отраслевая принадлежность законодательства, применимого в автостраховых спорах (с.20 диссертации и последующие). Верно подмечены автором и факты различных злоупотреблений (с.22 диссертации и другие), встречающихся в страховых спорах. Выводы автора подкреплены данными судебной статистики (с.23 диссертации), что лишний раз свидетельствует об объективности проведенного исследования.

Убедительными являются приведенные автором формы активности суда по автостраховым спорам (с.28 и другие). Однако полагаем, что

материально-правовые особенности многих категорий дел позволят привести примеры такой активности, а в некоторых случаях и перевесить ее (например, семейно-правовые споры).

В настоящий момент юридической доминантой автостраховых споров являются вопросы о досудебном урегулировании в связи с обращением к финансовому уполномоченному. Действительно, речь может идти о качественно новом формате защиты прав потребителей финансовых услуг при их обращении к уполномоченному и финансовым организациям в случае их несогласия с принятым решением. Судебные споры об обжаловании финансовой организацией решения финансового уполномоченного фактически представляют новую, ранее не существовавшую категорию гражданско-правовых споров (с.31-32 диссертации).

Рассмотрение вопросов финансовым уполномоченным и последствия принимаемых им решений теснейшим образом связаны с вопросами процессуальными и полностью определяют конфигурацию будущего спора, поэтому неслучайно диссертантом процедуры прохождения дела у финансового уполномоченного именуется в качестве **стадии** урегулирования спора (с.87 диссертации).

По нашему мнению, диссертант верно выделяет такие признаки сближающие формы защиты судебной и административной как: 1) финансовый уполномоченный выступает как независимое компетентное публичное лицо, наделенное значительным объемом властных полномочий по разрешению автострахового спора по существу, на условиях автономности, независимости и не подчинённости какому-либо государственному органу или должностному лицу; 2) обжалование решения финансового уполномоченного может быть только в судебном порядке, а не вышестоящему должностному лицу в порядке подчинённости; 3) решение финансового уполномоченного может быть обращено к принудительному исполнению путём выдачи потребителю удостоверения, имеющего силу исполнительного документа, что свидетельствует о возможности

окончательного разрешения автострахового спора на досудебной стадии без судебного разбирательства; 4) финансовый уполномоченный при осуществлении своих функций способствует примирению сторон спора, он вправе урегулировать спор, вплоть до принятия решения по обращению потребителя, в связи с чем сторонами спора может быть заключено соглашение об урегулировании спора (с.75-76 диссертации).

Вывод о необходимости рассмотрения спора об оспаривании акта финансового уполномоченного финансовой организацией, а также отдельных требований потребителя об оспаривании актов финансового уполномоченного в порядке именно гражданского, а не административного судопроизводства, представляется нам верным (с.10,44 диссертации), но с оговоркой, сформулированной в вопросной части отзыва. Также точной нам представляется характеристика требований об оспаривании решений финансового уполномоченного как особой гражданско-процессуальной формы прямого контроля в отношении правоприменительного акта должностного лица, допускающую возможность одновременного разрешения по существу гражданско-правового спора, в связи с которым было принято оспоренное решение финансового уполномоченного (с.13, 233 диссертации).

Следует согласиться с диссертантом и в отрицании возможности рассмотрения требований об оспаривании решений финансового уполномоченного в порядке особого производства (с.41 диссертации).

Вполне предсказуемой является критика диссертанта в адрес положений, приравнивающих экспертизу финансового уполномоченного к экспертизе судебной: их сопоставление приводит к выводу о том, что независимая экспертиза (оценка) по предмету спора, организованная по инициативе финансового уполномоченного, может использоваться при рассмотрении дела только в качестве письменного доказательства, в то время как заключение эксперта представляет собой самостоятельное средство доказывания (с.12-13, 171-172 диссертации).

Диссертант пишет, что проведённый анализ судебной практики позволяет утверждать, что независимая экспертиза (оценка) по предмету спора, организованная по инициативе финансового уполномоченного, по своей значимости для установления обстоятельств дела фактически приравнивается к результатам судебной экспертизы (с.12,237 диссертации). Однако речь здесь должна идти не о каком-то специальном анализе судебной практики и «фактическом» приравнивании экспертиз, а о прямом указании Верховного Суда РФ, содержащемся в «Разъяснениях по вопросам, связанным с применением Федерального закона от 4 июня 2018 г. N 123-ФЗ "Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг"», утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 18.03.2020, и в пункте 130 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 08.11.2022 №31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств».

Аналогичные суждения могут быть выдвинуты и в отношении практики квалификации последующих судебных экспертиз в качестве дополнительных и повторных (с.147 диссертации).

На стр.123-124 диссертации автором высказываются абсолютно правильные суждения, касающиеся статуса финансового уполномоченного: «в связи с тем, что у финансового уполномоченного отсутствует правовая заинтересованность в исходе дела и материально-правовая связь между ним и потребителем финансовых услуг, участие финансового уполномоченного в качестве третьего лица в споре по иску потребителя нельзя признать правильным. Более того, финансовый уполномоченный не состоит с участниками спора в каких-либо отношениях, в связи с чем судебные решения по таким спорам не могут повлиять на его права и обязанности, а потому привлечение финансового уполномоченного к участию в споре по иску потребителя финансовых услуг не является обоснованным. То обстоятельство, что финансовый уполномоченный рассмотрел заявление потребителя в порядке досудебного урегулирования спора, само по себе не

свидетельствует о том, что решением суда по указанному спору будут затронуты права финансового уполномоченного».

Предложения о наделении финансового уполномоченного правом обжалования судебных актов в апелляционном или кассационном порядке при его непривлечении к участию в деле, с одной стороны, вызывают настороженность, поскольку данное лицо субъектом спорных материальных правоотношений не является, но с другой стороны, заставляют вспомнить, что аналогичный подход реализован в отношении Уполномоченного по правам предпринимателей в арбитражном процессе (часть 3 статьи 53.1 АПК РФ).

Высказанные автором рекомендации относительно практики разрешения автостраховых споров могут быть поддержаны (с.14 диссертации). Некоторые из них представляются вполне очевидными и не могут быть поставлены под сомнение. Например, диссертант считает, что разрешение вопроса о вынесении дополнительного решения по автостраховым спорам не исключает представление суду участвующими в деле лицами новых доказательств, которые прежде не входили в предмет судебного разбирательства, от наличия которых определяется возможность разрешения требований, выносимых на разрешение посредством принятия дополнительного судебного решения. Но вынесение дополнительного решения по требованию, которые не было рассмотрено, и предполагает возможность представления новых доказательств.

Предложение о расширении числа оснований вынесения дополнительного решения новым основанием выглядит вполне уместным (с.14 диссертации).

Можно отметить следующие положительные моменты:

Выводы, сформулированные автором в качестве положений, выносимых на защиту, представляются достоверными, обоснованными и аргументированными как с теоретических, так и с практических позиций.

Структуру работу следует одобрить, поскольку она позволила раскрыть все наиболее важные вопросы темы.

Работа проиллюстрирована многочисленными примерами из судебной практики.

Удачным следует признать и использование автором диссертации наглядного материала, позволяющего обеспечить большую доступность выдвигаемых положений (с.113,121 и другие).

Содержание автореферата соответствует содержанию диссертации, отражая основные положения и выводы автора.

Публикации автора полно отражают основные положения диссертации.

Общий вывод: диссертация Егоровой О.А. представляет собой самостоятельное завершенное научное исследование, выполненное на высоком теоретическом уровне, отличающееся новизной и значимостью внесенных автором предложений.

Вместе с тем, некоторые положения и выводы диссертанта нуждаются в дополнительном пояснении.

1. На с.10,233 диссертации автор пишет, что для рассмотрения и разрешения таких требований суд осуществляет проверку законности и обоснованности обжалуемого решения финансового уполномоченного; сделав вывод о его незаконности, суд переходит к рассмотрению и разрешению автострахового спора по существу, что оптимизирует и ускоряет осуществление судебной защиты участников спорных правоотношений.

Означает ли данное суждение необходимость поэтапного рассмотрения и разрешения судом таких требований? Тогда как это оформляется с процессуальной точки зрения и выступает ли это, например, аналогом отдельных судебных заседаний, известных арбитражному процессу (статья 160 АПК РФ)?

Тем более сам диссертант далее определяет требования об оспаривании решений финансового уполномоченного в качестве особой гражданско-процессуальной формы прямого контроля в отношении правоприменительного акта должностного лица, допускающую возможность **одновременного разрешения** по существу гражданско-правового спора, в связи с которым было принято оспоренное решение финансового уполномоченного (с.13,35 диссертации).

2. На с.101 диссертации, разрешая вопрос о территориальной подсудности автостраховых споров, автор со ссылкой на позицию Конституционного Суда РФ, указывает, что от правильного разрешения данного вопроса зависит вынесение правосудного решения по делу.

Однако существует иная позиция Верховного Суда РФ, выраженная в пункте 56 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 N 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующего производство в суде апелляционной инстанции» согласно которой: **«нарушение судом первой инстанции норм процессуального права, устанавливающих правила подсудности, не является основанием для применения судом апелляционной инстанции пункта 1 части 4 статьи 330 ГПК РФ.** Решение суда может быть отменено ввиду нарушения подсудности, если на нарушение правил подсудности указано в апелляционной жалобе, представлении и суд апелляционной инстанции установит, что лицо, подавшее жалобу, или прокурор, принесший представление, заявляли в суде первой инстанции ходатайство о неподсудности дела этому суду и о передаче его по подсудности в соответствующий суд или арбитражный суд либо что у них отсутствовала возможность заявить в суде первой инстанции такое ходатайство по причине их неизвещения о времени и месте судебного заседания или непривлечения к участию в деле либо вследствие невозможности явиться в суд по уважительной причине, а также если нарушены правила подсудности,

установленные статьями 26 и 27 ГПК РФ, либо правила об исключительной подсудности».

Считает ли диссертант данную позицию неактуальной для рассматриваемой им категории дел?

3. В диссертации автор обращается к вопросу необходимых доказательств (с.133,134 и последующие), замечая, что «представляет особый интерес получающая в последние годы всё большую распространённость и теоретическую разработку группа доказательств, именуемых необходимыми доказательствами». Из дальнейшего изложения можно понять, что автор разделяет данную идею, поскольку наиболее типичные доказательства по автостраховым спорам оцениваются им через призму обязательности (договор ОСАГО нормативно обязателен, полис, выплатное дело и т.д.).

Безусловно, детально описываемые автором доказательства действительно используются в большинстве автостраховых споров, однако не повлечет ли признание их **необходимыми доказательствами** по данной категории дел, ограничение прав сторон в сфере доказывания? Ведь вполне возможны ситуации утраты таких доказательств, их уничтожения (в том числе в результате противоправных действий), что объективно потребует поиска каких-либо их аналогов (например, материала проверки из органа внутренних дел и пр.), но такие аналоги к числу необходимых доказательств относиться не будут (в том числе, по причине невозможности заблаговременного определения круга таких доказательств), что исключит их использование.

4.Одной из интересных процессуальных особенностей, в том числе автостраховых споров, отмеченной сразу в двух Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, посвященных страхованию, является следующее положение: «С целью обеспечения баланса интересов сторон, исключения возможности получения необоснованной выгоды в результате недобросовестного поведения стороны, которое может выражаться в том числе в искусственном разделении требования по одному договору

посредством предъявления нескольких исковых заявлений, судом с учетом конкретных обстоятельств дела такие действия могут быть признаны злоупотреблением процессуальными правами истца и повлечь отказ в признании понесенных истцом судебных издержек разумными и необходимыми полностью или в части (часть 1 статьи 35 ГПК РФ) либо возложение на истца понесенных ответчиком судебных издержек (статья 111 АПК РФ)» (пункт 138 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 08.11.2022 №31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», пункт 128 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2024 №19 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества»).

Имеются ли, по мнению автора, основания для квалификации действий истцов, прибегнувших к искусственному разделению исковых требований, в качестве злоупотребления правом по алгоритму, предлагаемому Верховным Судом РФ?

Высказанные замечания и поставленные вопросы имеют дискуссионный характер и не влияют на общую положительную оценку работы.

Высказанные замечания и поставленные вопросы носят дискуссионный характер, и не колеблют общей положительной оценки диссертационного исследования Егоровой О.А. которое соответствует требованиям раздела II Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата юридических наук; является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей существенное значение для соответствующей отрасли знаний; его автор – Егорова Ольга Александровна заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по

специальности 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки
(юридические науки).

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОППОНЕНТ

Доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданского процессуального и
предпринимательского права
ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва»
(научная специальность 12.00.15 – гражданский процесс, арбитражный
процесс)

Юдин Андрей Владимирович

«5» февраля 2025 г.

Адрес и телефон

443086, г. Самара, ул. Московское шоссе, д. 34

Тел.: (846) 335-18-26

E-mail: ssau@ssau.ru;

Сайт: www.ssau.ru

